

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-56-2-10-33

Научная статья

СИСТЕМНОСТЬ И ЦЕЛОСТНОСТЬ ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРИРОВАННОГО ЗНАНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ

Шапошникова Ирина Владимировна

Институт филологии СО РАН

Новосибирск, Россия

*Дорогому Владимиру Ильичу Карасику с благодарностью
за годы конструктивного сотрудничества.*

Аннотация

В статье обосновывается положение о том, что системность языка формируется на основе его онтологической целостности и становится доступной для изучения только междисциплинарно с учетом закономерностей организации психических процессов у человека как вида. Автор предлагает рабочее определение системности языка как целостного объекта, рассматривает гносеологические вопросы, связанные с рождением аспектирующих концепций системности языка, его материальным субстратом, отечественными разработками, направленными на поиск подходов к изучению онтологии языка как целостной системы. Затрагивается прикладная значимость такого подхода для разработки и реализации учебных курсов общей теории языка при построении междисциплинарного диалога, а также для изучения проблем межэтнического общения. На примере психологических значений нескольких лексем, функционирующих в качестве операторов при продвижении этнополитических концепций участников межэтнического взаимодействия, показана роль целостности образа мира как смыслового субстрата языкового сознания при освоении заимствованных идеологем и их вербальных носителей. Анализ проведен на материале новейших больших ассоциативно-вербальных баз данных, собранных в рамках проекта СИБАС (Сибирь и Дальний Восток: 2008 – 2022), в сопоставлении с аналогичными, более ранними общероссийскими и синхронными европейскими источниками.

Ключевые слова: онтология языка как достояния человека; системность и целостность; функциональная организация системы; образ мира и социо-коммуникативные установки русской языковой личности; этнополитически маркированные заимствования; движение значений

Введение

Дискуссии о синтезирующем подходе в лингвистике, инициированные в прошлом веке работами Г.П. Мельникова по системной типологии и подхваченные позднее рядом отечественных ученых [Зубкова 2016; Кошелев 2017 и др.], представляются нам востребованными для осуществления полноценного междисциплинарного диалога в XXI веке. Более того, думается, что именно в междисциплинарном диалоге

и может сложиться такой подход (подробнее об этом см.: [Шапошникова 2020]). В данной статье мы возвращаемся к некоторым ключевым вопросам дискуссий того времени, поскольку вклад отечественной фундаментальной науки прошлого века в изучение онтологии языка остается, с нашей точки зрения, недооцененным. Потребность в синтезе и целостности системного описания связана с онтологией языка; гносеология же, наоборот, разделяет концепции на аспекты в силу особенностей познания человеком мира и таких сложно организованных объектов, как язык. При господстве аспектирующих подходов (в том числе и структурного) целостность не закладывается изначально в модель описания системности языка. Отсюда и противоречия: система строится через ее рассмотрение в каком-то конкретном аспекте, а потребность в целостном комплексном системном описании объекта для междисциплинарного изучения языка остается неудовлетворенной. Вероятно, это противоречие и заставляло отечественную науку периодически обращаться к дискуссиям о взаимодействии разных подходов к изучению языка. Г.П. Мельников, как можно заключить из его работ, исходил из возможности синтеза на основе поиска комплементарности аспектирующих концепций. Более других на пути познания языка в его онтологической целостности продвинулась отечественная психолингвистика во всех ее ответвлениях, но базовый вклад был сделан Московской психолингвистической школой на фундаменте психологической теории деятельности [Шапошникова 2019]. Поэтому в своем анализе мы опираемся на фундаментальные принципы организации речемыслительной деятельности человека, открытые в рамках этого направления.

Постановка проблемы в контексте интегрированного знания о человеке

Недостаточность объяснительной силы структуралистских концепций побудила психолингвистов придерживаться характерной для психологии дихотомии внутреннего и внешнего, что привело к условному делению объекта на Язык 1 и Язык 2 (см. [Залевская 2005: 259–262]). В работах А.А. Залевской это положение всесторонне обосновывается с 70-х годов прошлого века. Так, с учетом сделанного Л.В. Щербой разграничения между процессом и продуктом, в понятие о Языке 1 с ее подачи включается речевая способность человека, его речевая деятельность, то есть использование им этой природной способности для спонтанного порождения текста, «первичного» продукта речевой коммуникации. Заметим, что физический (антропофонический и артикуляторно-акустический) материальный субстрат Язык 1 создается анатомическим аппаратом человека, эволюционно биологически приспособленным им для речевой деятельности; за языком стоит и нейрофизиологический, нейропсихокогнитивный телесный субстрат. Материальный субстрат очень важен для понимания границ объекта, ибо это то, что присутствует в нем всегда, на базе чего строится его системная целостность. Это то, что присутствовало в объекте прежде, чем им стали заниматься ученые, и что присуще ему независимо от ракурсов рассмотрения, но не всегда принимается во внимание исследователем. Язык 2 сводится к логико-теоретической модели описания его лингвистом на основе наблюдения за «первичными» продуктами речевой деятельности, текстами как таковыми, и «вторичными» (в терминах А.А. Залевской [Залевская 2005: 260]), такими как словари и грамматики, описывающие модель языка. Первичный текстовый

продукт, будучи уже произведенным, автоматически отчуждается от породившего его носителя языка, но также является материальным субстратом, полноценным в своем роде эмпирическим материалом для построения аспектирующей теории языка. Такая таксономия суть способ поиска подхода к описанию онтологии языка в его целостности. Очевидно, что целостность языка и его системогенез напрямую связаны с его материальным субстратом. Но насколько проработаны эти вопросы в учебных курсах по теории языка?

Обратимся к категории целостности в ее физиологическом и шире – нейрофилософском смысле, что позволит нам держать в поле зрения материальный субстрат языка в человеке. Ю.В. Наточин, изучая физиологические основы целостности многоклеточных организмов, определяет ее как «очень высокий уровень объединения распределенных, автономных, но высокоорганизованных систем, находящихся в рамках единой системы регуляции» [цит. раб.: 779]. Физиологические основы целостности автор относит к «фундаментальным законам природы, лежащим в основе эволюции особей разного уровня организации» [Наточин 2018: 784], но вопрос обеспечения целостности видится ему дискуссионным. Целостность зависит и от отношений организма индивида с внешней средой, и от внутренней регуляции его функциональных систем, через обратную связь обеспечивает единство его поведения и самоидентификации. Можно заключить, что целостность – одна из категорий нейрофилософии, лежащая в основе самоорганизации жизни и связанная с объединением функциональных систем организма. Ключевым для нас в этом утверждении является «объединение функциональных систем организма». Категория целостности, по нашему глубокому убеждению, должна быть применена при разработке общей теории языка, располагающей знаниями о языке как функционально организованной системе, полученными междисциплинарно и востребованными разными отраслями. Системность языка формируется в связи с его природной целостностью и через нее, а это объединяет все ракурсы (чего добивался, например, Ю.Н. Караулов, выдвигая теорию языковой личности [Караулов 1987]) и заставляет неизбежно рассматривать язык как неотъемлемую часть и инструмент культуры с ее интенциональностью. Интенциональность языковой личности как неотъемлемая мотивационно-установочная часть образа мира не абстрактного человека вообще, а всегда человека-носителя определенной культуры, по-видимому, сопряжена с целостностью. Целостность видится и через гносеологическое соположение разных аспектов исследования на основе комплексного учета материального субстрата языка, обеспечивающего целостность его системы в границах видовой специфики человека. Для объединения внешнего и внутреннего планов описания языка как целостной системы Г.П. Мельников оперировал понятием детерминанты, ставя во главу угла взаимодействие и комплементарную согласованность внешней и внутренней детерминант как ведущего системообразующего фактора. Детерминантный подход служил и методом преодоления сосюрловских антиномий, для чего ученый опирался на принцип «белого ящика» [Мельников 2003: 69] – результата вскрытия черного, обычно помещаемого между сущностями, формирующими дихотомии-антиномии.

Невозможно не согласиться с Г.П. Мельниковым, что вопрос о материальном субстрате языка важен с точки зрения границ объекта, его предельных параметров; к тому же, материальность объекта обеспечивает и его мерность, что особенно

важно для статистических методов описания языка. Г.П. Мельников рассматривал мерность языковой системы в пространстве и во времени, оперируя понятием «хронотопической гомонимии», что лежит в основе единства синхронии и диахронии, ибо то, что развертывается во времени, находит отражение и в пространстве, «речь идет о подобии законов, проявляющихся во времени и в пространстве» [Мельников 2003: 76]. Важнейшим преимуществом ассоциативно-вербальных материалов является возможность, при условии их постоянного пополнения, изучать психолингвистические процессы в актуальной диахронии (в пределах нескольких одновременно живущих поколений), уходя от дискретности «синхронных срезов» к континуальности, с учетом психически актуальной межпоколенческой реорганизации опыта, работать с динамикой системных трансформаций при сохранении в поле зрения фактора целостности. Последнее особенно важно среди прочего для понимания особенностей межэтнического взаимодействия в условиях, когда антисистемные этнополитические конфликты, ведущие к смыслоутратности и разрушению жизнестойкости целых социальных групп и народов, стали реальностью¹.

Принципиально важным нам представляется утверждение Г.П. Мельникова о том, что сосюрорские дихотомии-антиномии («внутреннее-внешнее; язык-речь; синхрония-диахрония; парадигматика-синтагматика; статика-динамика; личность-общество») несостоятельны, когда трактуются как противоположности, ибо феномены, которые они противопоставляют, взаимодополнительны и имеют системообразующую значимость, система функционально согласована в своей целочастности, многомерна и целостна. Особого внимания заслуживают обоснованные Г.П. Мельниковым принципы белого ящика и целочастности при рассмотрении антиномий [Мельников 2003:11; 67 и 69–73].

Принцип целочастности развития и существования объекта вскрывает черные ящики всех антиномий, в том числе и таких, как «язык – сознание (мышление)» и «статика – динамика». В самом деле, видоспецифичный способ организации психики у человека – сознание – включает в себя динамический процесс мышления и содержание сознания – «ставшую», относительно стабильную, но подвижную часть. Оно развивается и функционирует не как некая самодостаточная автономная абстракция. Гибкость, изменчивость, пластичность и динамичность при относительной устойчивости промежуточных состояний – характерные черты живых самоорганизующихся систем. Их вживленность в окружающую среду (и детерминированность ею) – условие для их существования. Сознание человека имеет телесный субстрат, который формируется у индивида в активном взаимодействии с внешним миром (предметная деятельность в природе, социо-

---

¹ Здесь мы исходим из понимания антисистемы, вслед за Л.Н. Гумилевым, как «системной целостности людей с *негативным мироощущением*»; формирование антисистем он связывал с зонами контактов несовместимых *суперэтносов*, где теряются адаптивные навыки контактирующих этносов, исчезает их своеобразие, происходит отрыв от кормящего ландшафта, в силу чего «их идеологии противопоставляют себя любой этнической традиции» [Гумилев 2002: 518–519]. Толчком к этому может стать «вторжение представителей одного суперэтноса в области проживания другого, после чего агрессор пытается жить не за счет использования ландшафта, а за счет побежденных» [цит. раб.: 562]. Основной способ борьбы в антисистеме – ложь. Именно такую модель неокOLONIALИЗМА практикует сегодня западноевропейский суперэтнос на Украине, где антисистема институционализировалась на уровне прокси государства.

коммуникативная активность в культурной среде). В онтогенезе оно формируется у индивида-личности как языковое (на вербальной знаковой основе). И с самого начала оно формируется в *конкретной* языковой среде (например, русской или какой-то иной) и вместе с нею, а никак *не автономно*. Плотность, разветвленность, насыщенность коммуникации и прочие специфические свойства интериоризируемой социо-коммуникативной среды, в особенности ее *смысловое наполнение*, формируют личность, детерминируют ее сознание, обогащая его смыслами и побуждая личность к соучастию в этом творческом процессе.

Г.П. Мельников не был одинок в своем стремлении разработать фундамент целостного описания системы языка. Нам представляется, что поиск нового синтеза знаний – одна из доминант отечественной науки, предустановленная во многом отечественной психолингвистикой. Можно вести речь о фундаментальных междисциплинарных принципах отечественной психолингвистической науки, подготовивших экспликацию объекта в его целостности. Сюда можно отнести положения об активности и направленности психики человека, основы теории мозга, мозгового обеспечения речемыслительной деятельности человека. Постоянное внимание к принципам работы мозга как пластичной, динамической системы в той или иной мере ощущалось уже в работах И.М. Сеченова, И.П. Павлова, А.А. Ухтомского, позднее Л.С. Выготского. А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, Н.И. Жинкина, Н.А. Бернштейна, П.К. Анохина, Д.Н. Узнадзе, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьева, Ю.Н. Караулова и мн. др. Совокупно их работами было положено начало научному изучению сознания. А в трудах представителей Московской психологической и психолингвистической школы была предложена единица анализа – значение; описана структура сознания человека; создана теория движения значений; представлены интегративные модели канонического носителя значения в языке – слова; эксплицирована русская языковая личность на модели ассоциативно-вербальной сети и мн. др. (см. блестящий обзор теоретической основы отечественной психолингвистики у [Пищальникова 2021: 35–53], истории и итогов многолетнего изучения природы значений у [Залевская, Золотова, Мягкова 2021: 270–285]). Особую роль сыграла экспликация РЯЛ (русской языковой личности) на ассоциативно-вербальном материале в формате ассоциативного тезауруса русского языка [РАС]. Создание такой модели есть экспликация факта существования РЯЛ как нелинейно организованной стохастической системы через выявление и измерение ее основных ассоциативных параметров, моделирование гиперсетевой организации ее узлов и многомерных связей. Выявление ассоциативных доминант и векторов смысловых акцентуаций РЯЛ в настоящее время, благодаря целенаправленной работе психолингвистов по сбору экспериментального материала может осуществляться даже в актуальной диахронии на базе РАС, ЕВРАС, СИБАС и др. источников (подробнее о них см. [Российская психолингвистика 2021]).

Функциональная организация системы языка и образ мира его носителей

Смежные с лингвистикой науки о человеке могут вскрывать и вскрывают какие-то закономерности, касающиеся природы и функционирования языка. При построении общей теории языка необходимо учитывать, прежде всего, те закономерности, которые ответственны за целостность объекта. Язык – видоспецифичный феномен человека, поэтому интерес к нему проявляют в той или иной мере все науки о человеке. Система

языка в ее функциональной целостности формируется на основе и в ходе реализации эволюционно развившихся у человека закономерностей работы мозга (известных в широкой гуманитарной трактовке как принцип обрастания, другоцентричности, эвристичности, системности и др.). Вопрос о принципах мозгового обеспечения высших психических функций человека вообще и речевой деятельности в частности ставился отечественной наукой еще на этапе зарождения нейропсихологии (подробнее о развитии нейропсихолингвистики в этом ключе см. в [Ахутина 2014]).

В настоящее время полученные в этой сфере фундаментальные знания о функциональных системах становятся, по нашим наблюдениям, центральным, дающим объяснительную силу фактором при интерпретации значимых результатов нейрокогнитивных исследований. Это существенно меняет ракурс рассмотрения объекта, позволяет найти координаты, в которых объект становится видимым в своей полноте за счет обращения к его целостности. Так, например, авторы исследования мозгового обеспечения моральной оценки приходят к выводу о том, что «моральная оценка в поведении индивида обеспечивается актуализацией функциональных систем его субъективного опыта, сформированных на последовательных этапах развития. Функциональные системы образованы клетками разных органов и тканей организма, включая клетки мозга. Представленность нейронов различных функциональных систем в определенных структурах мозга обуславливает наблюдаемые паттерны активности этих структур. Таким образом, *моральная оценка рассматривается в контексте целостного поведения субъекта и его системной организации*» [Арутюнова и др. 2020: 70] (курсив наш – И.Ш.). Иначе говоря, моральная оценка понимается авторами «как один из аспектов целостного поведения индивида в социокультурной среде, в основе которого лежит актуализация его субъективного опыта» [цит. раб.: 70]. Все это можно отнести в полной мере и к вербальной коммуникации, речевому поведению человека, поскольку оно также направлено на достижение какого-то необходимого организму (личности) результата, в том числе, и на демонстрацию моральной оценки. «В ходе взаимодействия со средой поведенческие акты, приводящие к достижению полезных приспособительных результатов, фиксируются в структуре субъективного опыта индивида в виде функциональных систем — элементов опыта, которые *формируются на основе уже имеющих, ранее сформированных систем*. Новые элементы опыта и системы, на основе которых они сформированы, представляют собой единицы опыта. Одновременная актуализация систем, сформированных на разных этапах индивидуального развития и составляющих единицу опыта, обеспечивает реализацию конкретного поведенческого акта, направленного на достижение определенного результата – необходимого организму соотношения со средой» [цит. раб.: 74]. В приведенном высказывании для нас главное – описание технологии динамической организации взаимодействующих, но сохраняющих на разных уровнях свою целостность функциональных систем, определяющих конкретный поведенческий акт в его целостности: речь идет о мозговом обеспечении новых элементов опыта и их встраивании в уже сформированные прежде системные процессы, как следствие – необходимость учета этапности формирования одной и той же рассматриваемой единицы опыта, предстающей перед нами в новом качестве на разных этапах индивидуального развития организма. Добавим к этому и живленность этой этапности в окружающий мир с его доминантами. Авторы так

оценивают соотношение этапов (в терминах нового и старого опыта) в системогенезе целостного поведения организма: «Рано сформированные (“старые”) системы, как правило, лежат в основе реализации наиболее общих для разных индивидов, видоспецифических актов. “Новые” системы, которые формируются позднее в индивидуальном развитии, обеспечивают все более сложные и разнообразные виды поведения. Формирование “новых” систем при научении в ходе индивидуального развития приводит ко все большей дифференцированности опыта субъекта и его отношений со средой. *Вся совокупность сформированных функциональных систем и отношений между ними представляет собой структуру субъективного опыта, которая обеспечивает поведение индивида и отражает историю его соотношения со средой.*² При этом, каждый достигнутый результат индивидуального поведения оценивается, в том числе, и в его отношении к коллективному результату, что соответствует моральной характеристике поведения» [Арутюнова и др. 2020: 74] (курсив наш – И.Ш.). Более того, развивая положения «системно-эволюционного подхода» с опорой на экспериментальные данные о соотношении представленности нового и старого опыта в структурах головного мозга, о связи этих явлений с интуитивными и эмоциональными аспектами моральной оценки, с одной стороны, и рациональными, позднее сформированными ее аспектами, с другой, авторы присоединяются к ранее звучавшим в работах других исследователей выводам о том, что «мозговую активность, зарегистрированную с использованием фМРТ, необходимо рассматривать в связи с поведенческими актами, на реализацию которых она направлена и которые сформированы в процессе индивидуального развития при обучении новым формам взаимодействия, а не в связи с отдельными когнитивными процессами» [цит. раб.: 75]. Данный вывод представляется нам важным в аспекте целостности вербально-когнитивного (коммуникативного) поведения человека. Для понимания природы речемыслительной деятельности человека не нужно искать мозговое обеспечение отдельных вербально оформленных смыслов, поскольку любая вербально-смысловая сущность активируется в структуре поведенческих актов и сценариев, то есть с учетом направленности психики человека, его мотивационно-установочного аппарата и целеполагания, что, видимо, составляет суть целостного подхода к человеку и его языку. Системно-эволюционный подход авторов исследования мозгового обеспечения моральной оценки позволяет им «объяснить особенности активности мозга при моральной оценке не как набор активаций отдельных структур, выполняющих разные постулируемые авторами функции, но как динамику актуализации нейронных элементов общеорганизменных функциональных систем, обеспечивающих достижение результатов взаимодействия целостного организма со средой, в том числе социальной» [цит. раб.: 75]. Конечно, к формированию итоговой моральной оценки приводит сложный комплекс внешних и внутренних источников в опыте

---

² Ср. с оппозицией, которая рассмотрена А.А. Залевской при описании сущностных параметров модели Язык 1: «субъективность как принадлежность активному субъекту познавательной деятельности – представителю вида (“объективная” субъективность) в сочетании с субъективностью как характеристикой личности» и модели Язык 2: «стремление к максимальной объективности за счет изгнания всего субъективного как случайного и пристрастного, в том числе и “объективно-субъективного”» [Залевская 2005: 261]. Таким образом, через междисциплинарную модель Язык 1 психолингвистика предстает перед нами как наука о субъективном факторе, за которым стоит материальный субстрат, попадающий в поле зрения нейронаук.

индивида, но очевидно, что ею пропитана вербальная коммуникация человека, а оценочные импликации встроены в семантику огромного количества слов любого языка. Этапность формирования таких вербально-когнитивных сущностей, характер и динамика взаимодействия нового и старого опыта в образе мира при оперировании такими единицами в разных условиях и средах должны учитываться исследователем в контексте целостного поведения языковой личности.

Таким образом, в терминах функциональных систем ученые стремятся обосновать динамическую целостность организма человека в связи с реорганизацией уже существующего (сформировавшегося на более ранних этапах развития) индивидуального опыта. При этом становится возможным анализировать нейропсихологический опыт (субстрат), получаемый на разных этапах и в разных условиях, разных состояниях внешней среды в связи с активацией эмоционально-оценочного фактора в структуре комплексного поведенческого акта. По сути, речь идет о принципе обрастания как нейрофизиологическом механизме приобретения опыта, что особенно важно в процессе обучения. Еще ранее в исследованиях нейропсихологов «было продемонстрировано, что процессы аккомодационной реконсолидации (реорганизация уже существующего индивидуального опыта) при дополнительном обучении зависят от предварительной истории обучения» [Сварник и др. 2011: 5]. Авторы затрагивали вопрос о формировании новых функциональных систем и выяснили, что процесс системогенеза и, соответственно, формирования нового поведения, может проходить как за счет формирования новых специализаций у нейронов, так и за счет реорганизации уже существующих нейронных групп («аккомодационной реконсолидации нейронов, уже имеющих системную специализацию» относительно ранее сформированного поведения) [цит. раб.: 6].

Такого рода механизмы работы мозга не могут не отразиться на вербальном материале. Язык наследует ряд базовых свойств когнитива (особенно памяти) человека, связанных с пластичностью нервной системы. Новизна усваивается на фоне реконсолидации старого. Софункционирование разных принципов мозгового обеспечения вербально-коммуникативного поведения человека создает *целостность смысловых связей*, лежащих в основе *образа мира*, от этого сильно зависит судьба заимствований. Важной содержательной частью образа мира народа являются этнополитические концепции, которые могут стоять за сценариями межэтнических отношений. Можно предположить, что вербализация таких концепций – наиболее поздний этап их формирования, тем более по отношению к укорененным в историко-культурном опыте этноса сценариям межэтнических отношений. Поэтому концепции могут сменять друг друга, а сценарий оставаться прежним. В данном контексте нас интересуют не столько сами концепции, сколько судьба заимствований этнополитически маркированных слов, то есть слов, функционирующих в качестве операторов при продвижении этнополитических концепций актерами межэтнического взаимодействия. Вряд ли можно вести речь о заимствовании этнополитических концепций в их целостности при столкновении разных сценариев межэтнических отношений, скорее всего импортируется только какой-то «осколок», встраиваясь в уже имеющуюся систему, ее целостную структуру (парадигму), функционировавшую до его появления. Вхождение чуждого элемента зависит от сформировавшейся ранее в своей целостности системы, от ее давления и направленности по отношению

к сценариям целостного поведения заимствующих субъектов, возможно, от объема и характера тех преобразований, которые могут потребоваться в ходе адаптации заимствованного «нового» материала. Ранее мы уже рассматривали психологические значения этнополитически маркированных заимствованных существительных *толерантность* и *расизм* [Шапошникова 2023]. Выяснилось, что отмеченная ранее этнологами при исследовании межэтнических браков в России высокая степень комплементарности русской молодежи в межэтнических отношениях [Лурье 2018; 2019; 2020] как подоплека сценария межэтнического взаимодействия русских, связанного с отсутствием барьера национально-культурных различий для ощущения единства в составе большого государства, отражается в социо-коммуникативных установках РЯЛ, формирующих флуктуации психологических значений слов, что эксплицируется на материале ABC (ассоциативно-вербальной сети) [Шапошникова 2023: 309]. Этот фактор оказывается значимым в образовании и статистическом весе различных эмоционально-оценочных смыслов у заимствованных слов, а общая структура представленных ими историко-культурных значений может существенно отличаться от изначальной в культуре, породившей данную идеологию. Таким образом, вербальные процессы оказываются знаками более глубинных, связанных с целостным поведением носителя заимствующего языка, специфическим способом встраивания определенного нового опыта межэтнического взаимодействия в системную целостность образа мира, уже сформированного его собственной культурной средой на более ранних этапах жизни. Обратимся к психологическому значению этнополитически маркированного прилагательного *толерантный* и его связи с парадигмой *терпение /терпимость/ терпимый* в русском языке сквозь призму различия сценариев и содержания этнополитических концепций акторов межэтнического взаимодействия – русских и американцев.

Концепция толерантности в контексте этно-расовых отношений в США

Одна из центральных тем этнополитических концепций в США – вопрос расы и расизма. Это обусловлено природой американского государства – продукта напряженной конкурентной борьбы нескольких западноевропейских империй-наций, быстро включившихся в глобальную работоторговлю человеческим ресурсом африканских колоний.

Анализируя демографическую ситуацию в США в XXI веке, ученые прогнозируют существенное снижение численности именно белого населения при увеличении доли представителей расовых и этнических меньшинств, женщин и иммигрантов. По этно-расовой структуре на 2016 год население США составляло 323128 тыс., из них белые – 76,9%; белые не испаноязычные – 61,3%; афроамериканцы 13,3%; индейцы и жители Аляски – 1,3%; азиаты – 5,7%; жители Гавайев и островов Тихого океана – 0,2%; представители двух и более рас – 2,6%; испаноязычные – 17,8% [Супян 2022: 15]. Тенденция к росту расового разнообразия в США реализуется неоднородно. На основе данных Бюро переписи США за 2000, 2010 и 2020 гг. было выявлено, что на уровне графств американское общество действительно становится все более разнообразным [Алов 2022], но не во всех штатах этот процесс подчиняется одинаковым закономерностям. К наиболее разнообразным относят штаты Американского Юга; латиноамериканцы вносят основной вклад в расовую

диверсификацию населения США, белое же население наиболее статично, вклады афроамериканцев и американцев азиатского происхождения несущественны [там же]. Таким образом, этно-расовые проблемы на фоне снижения демографического веса белого населения не только не уходят из повестки дня, но и отличаются ярко выраженной региональной спецификой.

Психологическую сторону типичного для США этнополитического конфликта, постоянно проявляющего себя внутри этой страны, точно описал Э.Л. Нитобург: «Взаимодействие тенденции к американизации, интеграции, в конечном счете к этнической ассимиляции иммигрантов и их потомков, сопряженной с освоением чужих форм культуры, а также сменой жизненных ценностей, с одной стороны, и к их групповому этноцентризму – с другой, было характерно для всех иммигрантских групп в США и проходит через всю историю этой страны» [Нитобург 2005: 358]. Политика США в отношении иммигрантов в разные периоды времени претерпевала значительные изменения, а реалии жизни существенно отличались от закрепленных законом деклараций. Исторически наиболее ущемленным в правах с самого зарождения американской империи было негритянокое население.

Среди европейских конкурентов англичане уже к 1700 году выделились как главные выгодополучатели от работорговли, доходы от нее росликратно из года в год [Dalziel 2006: 30]. С 1790 г. до середины XX века в США существовал закон о натурализации, закрепивший превосходство белой расы, на американское гражданство могли претендовать только свободные белые. Дискриминационная политика, исходившая из установок добродетели и богоизбранности основателей белой американской культуры, ее законченного в своем совершенстве характера применялась и к другим иммигрантским группам в период господства так называемой «англоконформистской» модели насильственной ассимиляции [Лобанова 2004: 12]. Более новая концепция «плавильного котла» имела в своем основании идею «смешивания» представителей ядра американской нации с остальными иммигрантскими группами, для достижения «американской симфонии» – общества без национальных и социальных конфликтов [там же: 13]. Однако, в 1924 году была выдвинута концепция «культурного плюрализма», поддержанная специальными программами на государственном уровне [Нитобург 2005: 342]. Вместе с тем, наследие предрассудков по отношению к чернокожему населению не только не было преодолено, но и продолжало создавать высокий уровень конфликтности этнополитической ситуации в США. Попытки найти правовые механизмы урегулирования конфликтов сопровождались ожесточенной борьбой. Концепция мультикультурализма декларировала самооценку и равенство разных расово-этнических культур. Для достижения этой цели в 1950-е – 1960-е годы был принят ряд законов. Так, закон о гражданских правах 1964 года ввел запрет на дискриминацию при найме на работу и получении образования по признаку расы, пола, религиозных убеждений и этнического происхождения [Лобанова 2004: 15]. Но это не решило проблему. В 1997 году президент Клинтон создает комитет по расовым проблемам США. «Нужно было преодоление напряженности вокруг понятия *RASA*: оценка истории США с позиций расовых отношений, преодоление расового напряжения с помощью введения инновационных подходов и обучения лидеров этнических групп» [цит. раб.: 18]. Диалог и *толерантность* провозглашаются основными методами урегулирования конфликтов на этнической,

расовой и религиозной почве. На этом фоне, например, Ку-клукс-клан (Ku Klux Klan), тайная политическая организация белых расистов протестантского вероисповедания, враждебно настроенных против других рас и религий, хотя и была официально распущена в 1944 году, не прекратила своей деятельности и активизировалась в 1960-е гг. [Томахин 1999: 265]. Радикальные организации негров продолжали возникать на религиозной основе, их участники отвергали христианство как религию белых и демонстративно принимали ислам, а многие лидеры борьбы против расовой дискриминации были убиты или отправлены в тюрьму. Радикальное движение БЛМ (от англ. Black Lives Matter – «Жизни черных имеют значение») – еще один симптом расового неблагополучия. Расовое противостояние воплотилось в вариативности современного американского английского языка: различают его европейский (European American) и афроамериканский (African American) варианты. Европейский вариант – достояние тех, кто связывает свои этнические корни с Британией или континентальной Европой (особенно с Северной Европой), в народе он известен как «белый английский» [Wolfram, Schilling-Estes 2006: 393]. Отмечая высокую конфликтность в американском обществе этно-расовой тематики в целом и идентичности в связи с языком в особенности, У. Вольфрам и Н. Шиллинг-Эстес перечисляют ряд названий афро-американского английского, которые использовались в течение нескольких десятилетий интенсивного изучения этого варианта языка: Negro Dialect, Non-standard Negro English, Black English, Vernacular Black English, Afro-American English, Ebonics, African American (Vernacular) English, African American Language [op. cit.: 211]. Эти термины говорят не только о развитии вариативности английского языка в США, но и о сопутствующих морально-оценочных трансформациях, о нелегком прогрессе американской толерантности в сценариях межэтнических отношений: афроамериканский английский прошел путь признания от ненормативного социально-маркированного статусом раба и цветом его кожи диалекта, к самостоятельному варианту английского языка. Теперь в основу терминов положен географический (нейтральный) признак. При этом большинство исследователей речи американцев африканского происхождения склоняются к признанию факта сформированности надрегионального койне афроамериканского английского, связанного с миграцией чернокожего населения в северные индустриальные центры, чего нельзя сказать о языке латиносов. Испаноязычное население в целом, с испанским и особенно латиноамериканским культурным наследием – источник ряда относительно новых и острых проблем в стадии нарастающей конфликтности для политикума США.

Негативные стереотипы, выработанные за всю историю дискриминации по этно-расовому признаку в США, проецируются на другие социальные страты и меньшинства, связанные с сексуальными извращениями. В силу очевидной оторванности от жизни соответствующие этнополитические конструкты провоцируют гипертрофированную толерантность, повышение градуса социального напряжения и поглощение людского ресурса антисистемами. В этих условиях толерантность, с одной стороны, ассоциируется со вседозволенностью, а с другой – символизирует агрессивную пропаганду расчеловечивания. Современная американская толерантность напоминает вырожденную стратегию идеологии «бремени белого человека», основанную на выстраивании этноцентричного барьера расового превосходства между ядром нации (ее верхушкой) и окружающим этнически разнообразным населением занимаемой

белыми колонизаторами территории. Отказ от полноценного и равноправного взаимодействия ведет к изоляции верхушки, манипуляции элитами покоренных народов, попыткам снижения чувствительности к расовой проблеме в том числе и через культивацию барьера снисходительной толерантности. Существительное *толерантность* и прилагательное *толерантный* были заимствованы русским языком. В настоящее время их можно трактовать как синонимы существительного *терпимость* и прилагательного *терпимый*. Рассмотрим движение их значений на основе данных толковых и ассоциативных словарей, собранных в течение нескольких десятилетий.

Ассоциативный профиль прилагательных *терпимый* и *толерантный*

В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой прилагательное *терпимый* толкуется следующим образом: «**Терпимый** прил. 1. Относящийся терпимо, без вражды к чужим мнениям, обычаям, привычкам. 2. разг. Такой, который можно вытерпеть, вынести. 3. перен. Умеренный, сносный» [Ефремова 2006: 508]. Все три лексико-семантических варианта слова отражены в АП *терпимый* (см. Таблицу 1 ниже). Существительное *терпимость* описывается через связь с прилагательным: «**Терпимость** жс. 1. Отвлеч. сущ. по знач. прил.: терпимый (2). 2. устар. То же, что: веротерпимость» [цит. раб.: 508]. Соотнесенность с веротерпимостью здесь помечена как устаревшая, однако в структуре АП прилагательного эта связь активируется в нескольких аспектах, но слабо. Т.Ф. Ефремова также приводит толкования наречия: «**Терпимо** 1 нареч. качеств.-обстоят. 1. Проявляя терпимость, отличаясь терпимостью. 2. Считаюсь с чужим мнением» и предикатива: «**Терпимо** 2 предикатив разг. 1. Оценочная характеристика чего-л. как допустимого, сносного, такого, с чем можно мириться» [цит. раб.: 508].

Ключевой смысл, который просматривается в приведенной парадигме *терпимости* – отсутствие вражды к чужому мнению, обычаям и привычкам, своего рода другоцентричность, направленность на учет потребностей другого человека, импликация отношения к кому-то или чему-то другому, как приемлемому, допустимому, правомерному; причем это отношение связано с ожидаемо благоприятным исходом контакта, вероятно, такая семантика восходит к историческому значению веротерпимости. *Терпимость* и/или *терпеливость* – условие достижения желаемого и правильного, справедливого результата, они приводят к нему. Кроме того, упомянутая парадигма *терпимости* тесно связана с однокоренными *терпение* / *терпеть* / *терпеливость* / *терпеливый* и пр. В значениях этих слов, ассоциативно очень крепко связанных не просто с пассивным ожиданием, а с динамическим состоянием, с трудовой и иной разлитой во времени активностью его носителя для преодоления (трансформации) этого состояния в ходе активного контакта с объектом, ради какого-то благоприятного исхода. Рассмотрим структуру психологического значения прилагательного *терпимый* на основе его АП, полученных экспериментально (2008 – 2013) в европейских и азиатских регионах нашей страны. В таблице 1 представлены результаты семантического зонирования АП, измерения веса разных зон в общей структуре АП и выявления векторов смысловых акцентуаций (психоглоссе) внутри каждого АП. На этой базе проводится анализ наиболее насыщенных зон с выявлением направленности смысловых акцентов внутри каждой. Таким образом, структурируется психологическое значение с экспликацией его основных, значимых для поставленной задачи параметров.

Таблица № 1

Ассоциативный профиль (АП) слова *терпимый*³

Прямой словарь СИБАС1 (500, 212, 25, 153)	Прямой словарь ЕВРАС (539, 238, 17, 182)
Зона 1. Кто?	
<p>Человек 69; друг 8; учитель 6; мама 5; муж 4; терпила 4; к людям 3; парень 3; я 3; враг 2; начальник 2; отец 2; папа 2; преподаватель 2; сосед 2; алкоголик; архаровец; ботаник; брат; женщина; Иисус; католик; к другим; к инакомыслию; ко всем; ко мне; курсант; либерал; лох; людьми; мальчик; мать; мной; мужчина; народ; народы; нация; псих; ребенок; Я.</p> <p>Итого: 153 (30, 6%); 51 (24%).</p>	<p>Человек 86; друг 10; муж 10; к людям 5; мужчина 3; отец 3; учитель 3; враг 2; гражданин 2; мама 2; начальник 2; папа 2; парень 2; толерант 2; атеист; быдло; зануда; ко всем; коллега; к себе; курсант; мальчик; мною; молодец; монах; не расист; первоклассник; россияне; русский; святой; сестра; старик; товарищ; толерон; толерост; точно не я; ученик; хозяин; царь; я.</p> <p>Итого: 182 (33,8%); 62 (26%).</p>
Зона 2. Что?	
<p>боль 30; характер 21; толерантность 9; поступок 7; вкус 6; день 5; запах 4; ко всему 4; случай 4; терпение 4; вера 3; голод 3; укол 3; дом 2; зуд 2; качество 2; обед 2; сдержанность 2; труд 2; удар 2; урок 2; холод 2; чай 2; вариант; вкус; боль; воля; выносливость; душа; жар; камень; кипятик; костер; металл; момент; мудрость; мучение; недостаток; неудача; нрав; ощущение; пар; погода; понимание; православие; предмет; результат; рок; свет; спор; стол; страх; стыд; талант; тату; уважение; усидчивость; ушиб; фильм; Итого: 174 (35%) 74 (35%).</p>	<p>Характер 29; боль 20; толерантность 13; запах 6; поступок 6; день 5; труд 5; удар 5; воля 3; качество 3; ожидание 3; холод 3; шум 3; вопрос 2; нрав 2; ответ 2; работа 2; терпеливость 2; урок 2; беда; вариант; вежливость; вероисповедание; ветер; вкус; голод; дорога; жажда; жара; закон; звук; климат; к трудностям; мозоль; момент; мудрость; надежда; неудобства; обед; ожог; отношение; пара; порядок; процесс; религия; сердце; ситуация; спокойствие; терпение; терпимость; тон; трудолюбие; уважение к другим; упрек; усидчивость; Итого: 185 (34,3%); 88 (37%).</p>

³ В первой строке таблицы в скобках после названия каждого источника указаны числовые показатели наполняемости АП. Первое число, например, 500, показывает общее количество реакций, полученных при предъявлении слова терпимый в качестве стимула; второе – указывает на число реакций разными словами; третье – на количество отказов давать вербальную реакцию; четвертое – на количество реакций, которые давались только одним испытуемым. В конце каждой зоны приводится статистика по двум показателям. Первый – общее количество реакций в зоне в абсолютном выражении и в процентном соотношении, процент указывается от общего числа реакций в АП; второй – количество реакций разными словами, процент указывается от общего количества разных реакций в АП. В целях экономии в ряде зон в качестве примеров приводится неполный список ассоциатов.

Зона 3. Какой? Каково?	
<p>Толерантный 19; спокойный 7; выносливый 6; сдержанный 6; нормальный 5; добрый 4; сносный 4; да 3; терпеливый 3; хороший 3; вежливый 2; железный 2; крепкий 2; нервный 2; нормально 2; сильный 2; слабый 2; стойкий 2; уверенный 2; более-менее; более послушный; больно; возможный; вонючий; выдержанный; выносимый; горячий; ждущий; заносчивый; лояльный; мужественный; надоедливый; настойчивый; некомфортно; не очень; неприятный; нетерпимый; нудный; нужный; переносимый; плохо; покладистый, спокойный; приемлемый; скромный, монастырь; смиренный; способный; терпима; трудный; тяжело; умеренный; умный; усердный; усталый.</p> <p>Итого: 122 (24,4%); 51 (24%).</p>	<p>Толерантный 23; спокойный 10; выносливый 6; добрый 4; сильный 4; нетерпеливый 3; нетерпимый 3; сдержанный 3; сносный 3; стойкий 3; хороший 3; верный 2; злой 2; мудрый 2; нет 2; нормально 2; нормальный 2; понимающий 2; скромный 2; терпеливый 2; умный 2; уравновешенный 2; болевой; больной; вредный; временный; долгожданный; кислый; лояльный; любимый; любящий; мирный; надоедливый; наигранный; ненавязчивый; неплохой; несложный; несносный; нестрогий; неторопливый; неудачный; неудобный; приемлемый; противный; сильный душевно; слабый; справедливый; терпимо; терпко; тихий; умеренный; упрямый; устойчивый; чуть-чуть.</p> <p>Итого: 136 (25,2%); 55 (23,1%).</p>
Зона 4. Действия и состояния, в которых проявляется качество, включая импликацию отношения к ним	
<p>Мучиться 2; терпеть 2; был; выносит; кто любит; можно; нетерпеж; проступок; пусть терпит; уважаю. Итого: 15 (3%); 13 (6,1%).</p>	<p>Бедствовать; бываю и хуже; выносить; ждать; страдать; терпела; терпеть; терпит.</p> <p>Итого: 10 (1,85%); 10 (4,2%).</p>
Зона 5. Животные и насекомые	
<p>заяц; комар; конь; медведь; олень; пес; тоже гусь. Итого: 9 (1,8%); 9 (4,2%).</p>	<p>Бык; заяц; конь; слон. Итого: 4 (0,7%); 4 (1,68%)</p>
Зона 6. Локации (во времени и социокультурном пространстве).	
<p>В; время; всегда; долго; мир; скромный, монастырь. Итого: 6 (1,2%); 6 (2,8%)</p>	<p>Мир 3; временный; время; тюрьма; церковь. Итого: 7 (1,3%); 5 (2,1%)</p>
Зона 7. Иное	
<p>хз; 1 (0,2%) Итого: 1 (0,2); 1 (0,47%).</p>	<p>-</p>

Психоглоссы (на основе общей наполненности зон)	
Зона 2 Что? (35%) → Зона 1 Кто? (30,6%) → Зона 3 Какой? (24,4%) → Зона 4 Действия (3%) → зона 5 Животные (1,8%) → Зона 6 (1,4%) → зона 7 Иное (0,2%).	Зона 2 Что? (34,3%) → Зона 1 Кто? (33,8%) → Зона 3 Какой? (25,2%) → Зона 4 Действия (1,85%) → зона 6 (1,3%) → Зона 5 Животные (0,74%) → зона 7 Иное (0%).
Психоглоссы экстенсивности (на основе реакций разными словами)	
Зона 2 (35%) → Зона 1 (24%) = Зона 3 (24%) → Зона 4 (6,1%) → зона 5 (4,2%) → Зона 6 (2,8%) → зона 7 (0,4%).	Зона 2 (37%) → Зона 1 (26%) → Зона 3 (23,1%) → Зона 4 (4,2%) → зона 6 (2,1%) → Зона 5 (1,68%) → зона 7 (0%).

Рассмотрим смысловое наполнение каждой зоны, обращая особое внимание на элементы парадигмы *толерантности* и способы их встраивания в структуру психологического значения *терпимый*. Зона 1 образована названиями лиц (персоналий), их социальных ролей и сообществ. Здесь присутствует оппозиция «люди (народ, другие) – я», основа импликации моральной оценки. Внутри этой зоны можно провести следующие психоглоссы:⁴ **люди** 57,5%; 58%; **семейные роли** 11%; 9,9%; **роли в образовании** (*преподаватель; ученик*) 7,8%; 4,4%; **социальные типы** (помимо уже указанных ролей), которые нуждаются в терпимом отношении к ним или обязаны его демонстрировать (*сосед; либерал; собеседник; алкоголик; чудаки*) 5,2%; 5,5%; **гендерные** наименования с преобладанием мужских (*парень; старик; мужчина* и пр.) 4,6%; 3,85%; **я** (*ко мне; не я*) 3,92%; 3,85%; явно **негативные эмоциональные оценки** (*подлец; гад*) 3,3%; 4,95%; **однокоренные производные** (*терпила*) 2,6%; 0%; **вертикальные отношения** (*начальник*) 1,97%; 4,95%; **религиозные** (*католик*) 1,97%; 2,2%; **этнорасовые** отношения (*не расист; русский*) 0%; 2,2%; **производные парадигмы толерантный** (*толерант; толерон; толерост*) 0%; 2,2%.

«Быть терпимым» относится к человеческим отношениям, связанным с идентичностью на разных уровнях этих отношений. Быть терпимым может как отдельный человек, так и целый народ, соответственно может имплицироваться и терпимость к народу, и терпимость как качество народа. В любом случае, активизируется учет других людей и отношение к ним, намекается на семейные, гендерные, профессиональные, вертикальные и иные виды отношений, присутствует импликация уважительного отношения к другим. В обоих источниках есть намеки на религиозную терпимость и религиозные статусные роли. Однако ассоциации с этнорасовым контекстом вкуче с дериватами *толерантного* присутствуют в зоне 1 только в ЕВРАС, здесь же есть и негативно-оценочные единицы из этой сферы. Состав ролевых функций традиционен для возрастной категории испытуемых, эмоционально-оценочные реакции относятся к субъектам-носителям признака или объектам, которых необходимо терпеть.

⁴ После названий подгрупп ассоциатов каждой зоны указывается процент по отношению к общему количеству ассоциатов в данной зоне. Первым дается показатель из СИБАС 1, вторым – ЕВРАС. Например: люди (57,5%; 58%) означает, что в СИБАС 1 в зоне 1 данная подгруппа ассоциатов представлена в объеме 57,5% от общего количества ассоциатов в зоне 1 (153), а в ЕВРАС – в объеме 58% от общего количества реакций в зоне 1 (182) соответственно.

Связь с парадигмой *толерантного* активирована в зоне 1 только в ЕВРАС через аффиксальные дериваты-существительные негативно оценочного типа.

В зоне 2 сгруппированы ассоциаты, которые называют внутренние и внешние побудители терпимости, телесные и внутренние душевные качества человека, в которых она воплощается. Смысловые акцентуации внутри зоны 2 в СИБАС 1 и в ЕВРАС имеют сходную структуру: **телесное воздействие (ощущения)** (*боль; холод*) 45,4%; 35%; **внутренние свойства и качества человека** (психические и поведенческие характеристики: *надежда; качество; вежливость; выносливость; мудрость*) 36,8%; 44%; **внешние явления (условия, события)**, артефакты и воздействия не телесного физического плана (*момент; предмет; ситуация; вопрос; вариант; ответ*) 14,4%; 18% **толерантность** 5,2%; 7%; **вера, труд и уважение** (*труд; трудолюбие; уважение; вероисповедание; православие; уважение к другим*) 4%; 5,9%; **однокоренные слова парадигмы «терпение»** (*терпимость; терпеливость*) 2,3%; 2,2%. Связи с парадигмой однокоренных слов и с исконным значением *терпимый* активируются в зоне 2, при этом имплицитуются синтаксемы по типу: быть *терпимым* означает проявлять *терпение, терпеливость, терпимость, усидчивость, понимание, выносливость, сдержанность, толерантность*. *Толерантность* в обоих источниках в таком списке занимает одну из первых позиций по частотности по сравнению с другими единицами.

Зона 3, как и первые две, хорошо наполнена, она включает толкования качества *терпимый* через синонимы, оценочные реакции, оппозиции, указания на степень и характер проявления этой качественной характеристики. Эксплицитуются следующие подгруппы ассоциатов: качественные характеристики с **позитивными коннотациями** (*спокойный; мужественный; способный; вежливый; верный; добрый; справедливый*) 55,7%; 50%; **толерантный** 15,6%; 16,9%; качественные характеристики с **негативными коннотациями** 14%; 21,3% (*нудный; надоедливый; невыносимый*); **степень присутствия или отсутствия (проявления) качества** (*очень; чуть-чуть*) 13,1%; 11,8%; **парадигма терпения** (*терпеливый; нетерпимый; терпима*) 4,1%; 7,35%. Доминантными в зоне 3 являются положительные качества, их показатели в несколько раз превышают негативные. Парадигма *терпения* представлена несколькими словоформами в обоих источниках, при этом синоним *толерантный* находится в первой, самой частотной позиции в зоне, по частоте активации он опережает совокупные данные парадигмы *терпимости* в несколько раз (как минимум в два). Можно заключить, что *терпимый* несет в себе преимущественно позитивный оценочный фон, куда и встраивается *толерантный* как первый по частоте синоним.

В зоне 4 содержатся прямые указания на действия и состояния, в которых проявляется качество *терпимый*, включая импликацию отношения к ним, эта зона слабо наполнена ассоциатами, однако в ней фиксируются связи с парадигмой *терпения* (*терпеть*). В СИБАС доминирующие акценты не выделяются, слабо активируется оппозиция позитивного отношения (*уважаю*) и негативного (*мучение*). В ЕВРАС парадигма *терпения* входит через 3 однокоренные реакции, фиксируется *страдание и бедствия* на фоне *ожидания* и *выносливости*.

Поскольку оставшиеся зоны статистически незначимы, как по общему наполнению, так и по разветвленности связей, рассматривать подробно их структуру не представляется возможным. Зона 6 акцентирует отношения качества со временем,

локализацию в социокультурном пространстве, в ней слабо активируется связь с миром и религией (церковью).

Обращают на себя внимание высокие показатели отказов от ответа на стимул *терпимый* в прямых словарях: 25 в СИБАС 1 и 17 в ЕВРАС. Такое явление наблюдается преимущественно в АП слов с отвлеченным значением. В АП *толерантный* (см. Таблица 3) при его меньшей по сравнению с *терпимый* наполняемости 6 отказов. Эти прилагательные ведут себя примерно одинаково в плане отказов. Их синонимия проявила себя в постперестроечный период уже в СИБАС 1 (2008 – 2013) и ЕВРАС, а в СИБАС 2 (2014 – 2021) стало очевидным плотное смысловое взаимодействие *толерантной* парадигмы с парадигмой *терпения* и *терпимости*. Точки входа в смысловые акцентуации разных зон психологических значений слов парадигмы *терпимости* / *терпения* мы увидели на примере АП прилагательного *терпимый*. В таблице 2 показана вся словообразовательная ассоциативная парадигма *терпимости*, которая выявляется по обратным словарям со времен перестройки (РАС) вплоть до нашего времени (СИБАС 2). Такое представление материала позволяет отследить процесс укоренения связей элементов парадигмы *толерантности* с определенными единицами парадигмы *терпимости* в актуальной диахронии. В РАС *толерантность* еще не настолько проникла в русское языковое сознание, чтобы установить связь с *терпимостью*, в СИБАС 1 и ЕВРАС реакции на слова парадигмы *терпимости* дали такое количество реакций словами *толерантной* парадигмы, что последние вошли в список стимулов второго этапа эксперимента, это позволило нам получить их АП прямого типа в СИБАС 2 (см. первую часть таблицы 3).

Таблица 2

Парадигма терпимости в обратных словарях⁵

РАС (с. 854): *Терпимая* (1; 1) прил. ← погода; *терпимо* (2;1) нар. ← относиться 2; *терпимое* (1;1) прил. ← здоровье; *терпимость* (1;1) им. п. ← буржуазный; *терпимы* (1;1) прил. ← неудобства; *терпимый* (1;1) прил. ← голод. **ЕВРАС (с. 590):** *терпимая* (1;1) прил. ← религия; *терпимо* (3;3) нар. ← одиночество; страх; *терпимый*; *терпимость* (3;3) им. п. ← доброта; законность; *терпимый*; *терпимый* (4;2) прил. ← человек 3; лаконичный. **СИБАС 1 (с. 655):** *терпила* (5;2) ← *терпимый* 4; эгоист 1; *терпима* (1;1) ← *терпимый*; *терпимая* (3;2) ← боль 2; религия; *терпимо* (1;1) ← задолженность; *терпимость* (3;3) ← оставаться; плохо; сочувствие; *терпимый* (1;1) ← приятный. **СИБАС 2 (с. 1581):** *Терпила* (2,2) им. п. ← подчиненный; **толерантный**; *терпимая* прил. ← адская; *терпимо* (2, 1) нар. ← больно; *терпимость* (28, 9) им. п. ← **толерантность** 18; гуманность 3; выносливость; нужна; осторожность; препятствие; стойкость; **толерантный**; усидчивость 1; *Терпимость, открытость* ← **толерантность**; *Терпимый* (20, 3) ← **толерантный** 17; сдержанный 2; горец 1.

⁵ Здесь и далее в последней строке таблицы 3 приводятся АП реакций словами, помеченными курсивом. После каждого слова-реакции приводятся данные об общем количестве вызвавших их стимулов и о количестве разных стимулов, давших эту реакцию. Например, реакция *терпимая* (3;2) встретила в СИБАС 1 всего 3 раза и была дана на 2 разных слова-стимула «боль» и «религия». Слова-стимулы **толерантной** парадигмы выделены полужирным начертанием.

Рассмотрим смысловую структуру психологического значения прилагательного *толерантный*, чтобы увидеть результаты движения его значения в актуальной диахронии.

Обращаясь к данным классических русских этимологических словарей, мы не найдем в них описания *толерантности* и *толерантного*, поскольку слова толерантной парадигмы в их этнополитических значениях появились относительно недавно⁶, они проникли в нашу культуру вместе с западноевропейскими этнополитическими концепциями межэтнических отношений, при нашем очередном непосредственном и жестком столкновении с западными стереотипами межэтнического взаимодействия, которые существенно отличаются от русских, что нашло отражение в движении значений и слов *толерантной* парадигмы, и лексем парадигмы *терпимый/терпение*. Последние укоренены в русской культуре с древнерусского периода и характеризуются в морально-нравственном плане положительно-оценочным смысловым контекстом, который, видимо, имел разные источники из этнокультурного опыта (традиции), мог связываться и с веротерпимостью русских, и с активностью сценария взаимодействия с внешним миром, и с общеиндоевропейским наследием, что частично фиксируется в толковых и этимологических словарях. Например: [Черных 1994: 239].

Таблица 3

Ассоциативный профиль слова *толерантный* и парадигма толерантности⁷

2014 – 2021: Прямой словарь СИБАС 2 Толерантный (150, 88, 6, 75)
Зона 1. Какой? Толкования (близкие по смыслу прилагательные или оппозиты).
Терпимый 17; вежливый 7; воспитанный 3; добрый 2; правильный 2; странно 2; агрессивный; безразличный; вредный; галантный; глупый; гуманный; компетентный; лживый; мягкий; наивный; нетерпимый; обходительный; общительный; обычный; пень; принимающий; пунктуальный; скрытый; слабый; слепой; смертельный; спокойный; справедливый; с хорошими манерами, терпимый; терпеливый; умный; человечный; честный; элегантный. Итого: 64; 35.
Зона 2. Лица и их роли. Персоналии, организованные сообщества лиц.
Человек 21; мужчина 5; гей 2; препод 2; алкоголик; американец; быдлан; гомосексуалист; гость; гражданин; деятель; джентльмен; иностранец; кто; либерал; медведь; мужик; нацист; Обама; оно; преподаватель; терпила; товарищ; учитель; француз; я. Итого: 53; 26.
Зона 3. Локации (где и когда) проявляется.
Америка 2; автобус; Англия; Европа; мир; общество. Итого: 7; 6.

⁶ Мы не рассматриваем терминологическое, медико-биологическое, значение слов *толерантность* и *толерантный*, в котором они использовались в советский период и возводятся словарем иностранных терминов к латинскому корню *tolerantia* (терпение) [СИС: 610]. Ср.: «**Толерантность 1 ж.** 1. Отсутствие или ослабление реакции на какой-л. неблагоприятный фактор, объясняющееся снижением чувствительности к его воздействию. **Толерантность 2 ж.** 1. Снисходительная терпимость к кому-л. или к чему-л. (чужому мнению, иному верованию и т.п.) как обязательное условие политического плюрализма. **Толерантный 1 прил.** 1. Характеризующийся толерантностью (1), отсутствием иммунологической реактивности.

Толерантный 2 прил. Проявляющий толерантность (2)» [Ефремова 2006: 525].

⁷ Порядок подачи материала и статистических данных здесь такой же, как в таблице 1.

Зона 4. Какими качествами обладает, к какому свойству человека относится
Национальность 2; уважает 2; уважает окружающих; вежливость; глупость; интеллект; менталитет; навряд ли; пацифизм; правило; свобода; терпение; терпимость; толерастия; уважение, воспитание; управление; характер. Итого: 19; 17.
Зона 5. Иное
Крем; лысый; диктант; розовый. Итого: 4; 4
Психоглоссы интенсивности
Зона 1 (41,3%) какой → зона 2 (34,7%) лица и их роли → зона 4 (12,7%) какими качествами обладает → зона 3 (4,7%) локации → зона 5 (2,7%) иное
Психоглоссы экстенсивности
Зона 1 (39,8%) → зона 2 (29,5%) → зона 4 (19,3%) → зона 3 (6,8%) → зона 5 (4,5%)
Парадигма толерантности в обратных словарях
РАС: Толерантность (1;1): мягкий. ЕВРАС: толерант (3; 2) терпимый 2; спокойный; толерантность (15; 3): терпимый 13; доброта; мирный; толерантный (24; 2): терпимый 23; жестокий; толерон (1;1): терпимый; толерост (1;1): терпимый. СИБАС 1: толерантность (11; 3): терпимый 9; понимать; равенство; толерантный (20; 2): терпимый 19; национальный 1. СИБАС 2: толерантность (31; 21): вежливый 3; грузин 3; гуманность 3; гей 2; гомосексуалист 2; негр 2; терпение 2; вежливость; воспитанность; Европа; иной; менталитет; мужчины; нацист; неправильно; правильность; раса; терпеть; ты; хач; человечество 1; толерантная (1; 1): Европа; толерантный (4; 4): благородный; грузин; порядочный; человеческий 1; толерастия (1; 1): толерантный.

Ассоциативный профиль и парадигматика *толерантного* свидетельствуют о том, что данная лексема осваивалась поэтапно и под давлением исконной парадигмы *терпимого*. В первой зоне активируются три основных подгруппы ассоциатов. Доминантная – названия качеств, сопряженных с благоприятной, позитивной моральной оценкой (50% от всех ассоциатов в зоне 1); ассоциаты с лексемами из парадигмы *терпения* (29,7%); названия качеств, сопряженных с отрицательной моральной оценкой (20,3%). Как видим, абсолютно преобладает позитивная оценка. Если учесть, что зона 1 в общей структуре АП достоверно доминирует, ее роль в формировании устойчивого значения *толерантный* следует признать ведущей. Поскольку в самой этой зоне абсолютно доминируют позитивно-оценочные ассоциаты, следует предположить, что значение этого прилагательного формируется в позитивном оценочном ключе. Эти оценки во многом совпадают с семантикой *терпимый*, который лидирует по частоте связей с *толерантный*, и подкрепляются общими для этих слов ассоциатами: *уважение; добрый; справедливый; спокойный; терпеливый* и пр. Вместе с тем, целый ряд качественных слов-ассоциатов специфичен именно для *толерантный* как в домене позитивных, так и негативных оценок. Это: *галантный; элегантный; пунктуальный; лживый; с хорошими манерами; обходительный; скрытый; агрессивный; вредный; правильный; слепой; смертельный, мягкий* и др. Часть этих ассоциатов фиксирует связь с внешними манерами поведения, другие – с лживостью, агрессивностью и вредностью толерантного поведения. В целом, на фоне доминирования позитивной оценочности эти ассоциаты выстраиваются в прогиворечивые оппозиции: *терпимый – нетерпимый; умный – глупый; честный – лживый; агрессивный – мягкий; обходительный* и т.п. В Зоне 2 особенно активируется американский контекст. Это ярко проявляется при сравнении домена гендерных ролей,

который мы выявили в АП *терпимый*, с аналогичным доменом у *толерантный*. Эта подгруппа ассоциатов занимает 18,9% зоны 2 в АП *толерантный* и включает в себя не только традиционные *мужчина*; *мужик*, но и: *гей*; *гомосексуалист*; *оно*. В зоне активирован и этнорасовый контекст: *американец*; *нацист* и др. Иностраный контекст активизируется и в других ассоциатах зоны: *Обама*; *джентльмен*. В зоне 3 *толерантный* локализуется в *Англии*, *Европе* и *Америке*, откуда и пришла концепция толерантности. В последней статистически значимой зоне – четвертой – опять активизируется связь со смысловой структурой парадигмы *терпимого*, с уважительным отношением к людям и национальности, вместе с тем присутствуют следы продолжающейся рефлексии над значением *толерантный* и его отнесенностью к той или иной сфере жизни общества и себе самому (*нацифизм*; *менталитет*; *свобода*; *воспитание*; *управление*; *правило*; *толерастия*; *навряд ли* и др.).

В обратных словарях *терпимый* в связке с *толерантным* появляется только в СИБАС 2, но частотно: из 20 реакций словом *терпимый* 17 было на стимул *толерантный*. Однако значение слова *толерантный* так же, как и у существительного *толерантность*, противоречиво, в нем два полюса: доминирующий позитивный с акцентуациями положительных качеств и сопряженных с ними оценок. Второй – негативный, основанный на ассоциативном поясе смыслов, порожденных контактами с западной (американской) этнополитической концепцией и их сценариями межэтнического взаимодействия. В этом последнем значении, как мы уже писали ранее [Шапошникова, 2023: 308–309], существительное *толерантность* и зафиксировано словарем Т.Ф. Ефремовой. Такая же практика применена в толковом словаре и к описанию прилагательного *толерантный* (см. выше). Психологическое значение *толерантный* гораздо богаче по насыщенности и разветвленности семантических связей, чем то, что отмечено в толковом словаре. Прилагательное *толерантный*, как и существительное *толерантность*, в ходе его адаптации в русском языке находится под очевидным влиянием смыслового поля парадигмы *терпимости/ терпения*, имеющей глубокие корни в образе мира и в культурной традиции русского народа. Заимствованные слова встроились в готовую парадигму ранее сформированных смыслов и восприняли ее основные акцентуации, став синонимами, в то же время за счет импликаций, унаследованных от этнополитических реалий американской жизни последних десятилетий и их специфического восприятия испытуемыми в них сохраняется определенная противоречивость смысловых оппозиций, что, вероятно, проявляется на уровне текста.

Заключение: Язык как целостная система

Язык (язык 1) – динамичный сложноорганизованный комплекс функциональных систем Homo Sapiens, который обеспечивает специфичную для вида человека вербально-коммуникативную деятельность, предрасположенность к которой обретена им в ходе биологической эволюции через анатомо-физиологическую и нейробиологическую экзаптацию сенсорно-моторных подсистем. Целостность системы Язык 1 в процессе ее формирования и функционирования достигается при взаимодействии внутренних индивидуально-личностных, психо-когнитивных детерминант с внешними историко-культурными, социо-коммуникативными детерминантами на вербально-смысловой основе. Система Язык 1 способна порождать бесконечное множество артефактов

вербальной культуры, которые (будучи носителями значений) сами становятся операторами в процессе порождения новых артефактов. С точки зрения истории, при утрате сообщества носителей языка, ЯЗЫК 1 редуцируется до ЯЗЫК 2, поскольку его материальный субстрат сводится к субстанции, зафиксированной в наборе сохранившихся текстов. Образ мира носителей живого языка представляет собой смысловой субстрат языкового сознания, его целостность и системность закономерно влияют на освоение нового опыта вербальной коммуникации, что эксплицируется в актуальной диахронии в движении значений и ассоциативной парадигматике заимствованных этнополитически маркированных слов. Так в психологическом значении прилагательного *толерантный* в русском языке уходят на периферию смысловые импликации этно-расового и националистического плана, связанные с этноцентричными стереотипами снисходительной толерантности, навеянной исторически укоренившимся в американском этнополитическом дискурсе сценарием расового превосходства на фоне непреодоленной конфликтогенности этно-расовой ситуации в США. В процессе адаптации прилагательного *толерантный* на первый план выходят смысловые акцентуации, исходящие из уважения к чужим обычаям и образу жизни, воспринятые от парадигмы *терпимого*, сопряженной с русским сценарием межэтнического взаимодействия, основанным на высокой комплементарности в межэтнических отношениях, позволяющей россиянам активно подключать этнически разнообразное население к процессу общегосударственного строительства на равноправной основе.

© Шапошникова И.В., 2023

Литература

Алов И.Н. Современные тренды динамики уровня расового разнообразия в США // США & Канада: экономика – политика – культура. 2022. Выпуск № 10. С. 112–125. URL: <https://usacanada.jes.su/s268667300018344-8-1/>. DOI: 10.31857/S268667302210008X

Арутюнова К.Р., Созинова И.М., Александров Ю.И. Мозговые основы моральной оценки действий // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 2. С. 68–81. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090206>

Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning). 424 с.

Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. СПб.: ООО «Издательский Дом “Кристалл”», 2002. 576 с. Серия «Вехи истории».

ЕВРАС – Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. М.: Московская международная академия, 2018. 544 с. Т. II. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. 688 с.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т.3: Р-Я. 973 с.

Залевская А. А. Слово. Текст. Избранные труды. М.: «Гнозис», 2005. 542с.

Залевская А.А., Золотова Н.О., Мяжкова Е.Ю. Тверская психоллингвистическая школа: значение слова как единицы ментального лексикона, понимание текста, проблемы двуязычия, естественный метаязык // Российская психоллингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография. / Научн. ред. И.А. Стернин,

Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М.: Институт языкознания-ММА, 2021. С. 270–285. DOI: 10.30982/978-5-6045633-7-3

Зубкова Л.Г. Теория языка в ее развитии: от натуроцентризма к логоцентризму через синтез к лингвоцентризму и к новому синтезу. М.: ЯСК. 2016. (Studia Philologica). 623 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987; 2010. 264 с.

Кошелев А.Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: ЯСК, 2017. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning). 528 с.

Лобанова Е. А. Этнические и расовые отношения в Соединенных Штатах Америки: проблемы государственного управления. Ретроспектива и современность. Автореф. дис. канд. полит. наук. Специальность 23.00.24. М., 2004. 24с.

Лурье С.В. Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 122-148. DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077

Лурье С.В. Отношение к межэтническим бракам как симптом формирования российской идентичности // Петербургская социология сегодня. 2019. № 11. С. 68-80. DOI:10.25990/socinstras.pss-11.20j9-ge83

Лурье С.В. «Многокровки»: особенность формирования этнической идентичности «Тягубя» – потомков от межэтнических браков российских корейцев // Петербургская социология сегодня. 2020. Выпуск 13/14. С. 61-85. DOI: 10.25990/socinstras.pss-13-14.40cc-vy24

Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Отв. ред. Л.Г. Зубкова. М.: Наука, 2003. 395 с.

Наточин Ю.В. Целостность // Журнал высшей нервной деятельности. 2018. Т. 6. С. 775 – 787. DOI: 10.1134/S0044467718060060

Нитобург Э.Л. Русские в США: История и судьбы, 1870–1970: Этно-исторический очерк / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2005. 421 с.

Пищальникова В.А. Теория деятельности как теоретическая основа отечественной психолингвистики // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография. / Научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М.: Институт языкознания–ММА, 2021. С. 35–53. DOI: 10.30982/978-5-6045633-7-3

РАС - Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Сост. Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 20.05.2023).

Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография / Научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М.: Институт языкознания-ММА, 2021. 626 с. DOI: 10.30982/978-5-6045633-7-3

Сварник О.Е., Булава А.И., Фадеева Т.А., Александров Ю.А. Закономерности реорганизации опыта, приобретенного при одно- и многоэтапном обучении // Экспериментальная психология. 2011. Том 4. № 2. С. 5–13.

СИБАС 1 и СИБАС 2 – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008–2022 / авт.-сост.: И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 20.05.2023).

СИС – Современный словарь иностранных слов: Ок. 20000 слов. СПб.: «Дуэт», 1994. 752 с.

Суяян В.Б. Население и рабочая сила в США: основные характеристики // Россия и Америка в XXI веке. 2022. Выпуск № 4. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760021641-2-1/>. (Дата обращения: 20.05.2023). DOI: 10.18254/S207054760021641-2

Томахин Г.Д. США. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1999. 576 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов: Т.1–2. 2-е издание стереот. М.: Русский язык, 1994. Т.2: панцирь – ящур. 560 с.

Шапошникова И.В. Теория актуальна, пока она работает // Вопросы психолингвистики. 2019. Том 41. №3. С.156-173. DOI 10.30982/2077-5911-2019-41-3-156-173

Шапошникова И.В. К разработке принципов построения курса междисциплинарной лингвистики // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т.18. № 4. С. 5–15. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-5-15

Шапошникова И.В. Отражение этнополитических концепций и сценариев межэтнических отношений в психологических значениях абстрактных лексем // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 300–311. DOI 10.17223/18137083

Dalziel Nigel. The Penguin Historical Atlas of the British Empire. London: Penguin Books, 2006. 144 p.

Wolfram W. and Natalie Schilling-Estes. American English: Dialects and Variation. 2ded. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2006. 452 p.

Сведения об авторе:

Шапошникова Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии Сибирского отделения российской академии наук (ИФЛ СО РАН)

Контактная информация:

630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

e-mail: i.shaposhnickowa@yandex.ru

Для цитирования:

Шапошникова И.В. Системность и целостность языка в контексте интегрированного знания о человеке // Вопросы психолингвистики №2(56) 2023, С. 10-33, doi: 10.30982/2077-5911-2023-56-2-10-33

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-56-2-10-33

Research article

SYSTEMATICITY AND INTEGRITY OF LANGUAGE IN THE CONTEXT OF INTEGRATED KNOWLEDGE ABOUT HUMAN

Irina V. Shaposhnikova
Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russia

Abstract

The article states that the systematicity of language is formed on the basis of its ontological integrity and becomes available for study only in the light of interdisciplinarity with reference

to the basic dimensions of Human species-specific organization of mind and brain activities. The author offers a working definition of the language system in the context of its integrity, considers epistemological issues related to the emergence of conceptually different approaches to the explication of language systematicity, focuses on the role of material substrate of the language, considers fundamental domestic contribution to the development of the general theory and systemology of language proceeding from the ontological grounds for its integrity. The author touches upon applied significance of this approach for the development of the general theory of language and its practical implementation at such Universities where courses of general linguistics are taught, as well as in the construction of interdisciplinary dialogue, and in the study of problematic aspects of interethnic communication. On the example of the psychological meanings of several lexemes functioning as operators in the promotion of ethnopolitical concepts which are behind culture-bound scenarios of different participants in interethnic communication, the author shows the role of the integrity of the image of the world as a semantic substrate of language consciousness in the adaptation of ethnopolitically marked borrowings in the Russian language. The analysis was carried out on the basis of the latest associative-verbal databases collected within the framework of the SIBAS project (Siberia and the Far East: 2008-2022), in comparison with similar, earlier all-Russian and synchronous European sources.

Keywords: ontology of language as a human species-specific phenomenon; systematicity and integrity; functional organization of the system; image of the world and socio-communicative attitudes of the Russian language personality; ethno-politically marked borrowings; circulation of meanings

© Shaposhnikova I.V., 2023

Bionotes:

Irina V. Shaposhnikova – Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher at the Department of the Russian language in Siberia, Institute of Philology (Siberian Branch) of the Russian Academy of Sciences

Contact information:

8, Nikolayev st., Novosibirsk, Russia, 630090

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

e-mail: i.shaposhnickowa@yandex.ru

For citation:

Shaposhnikova I.V. Systematicity and integrity of language in the context of integrated knowledge about human // Journal of Psycholinguistics. 2023. 2(56). P. 10–33. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-56-2-10-33 (In Russian)